

УДК 94(47).05

DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-4-724-732

**СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОБЛИК ОФИЦЕРОВ БЕЛГОРОДСКОГО
ГАРНИЗОНА В 1914 г.: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ****SOCIAL AND PROFESSIONAL APPEARANCE OF OFFICERS OF THE BELGOROD
GARRISON IN 1914: GENERAL AND SPECIAL****В.В. Канищев
V.V. Kanishchev**Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
Россия, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33Tambov state University named After G.R. Derzhavin,
33 International st., Tambov, 392000, Russia,Тамбовский государственный технический университет,
Россия, 392000, г. Тамбов, ул. Советская, д. 106Tambov state technical University,
106 Sovetskaya st., Tambov, 392000, Russia,

E-mail: kan-vladimir-tamb@yaendex.ru

Аннотация

В статье нашли отражение отдельные аспекты истории офицерского корпуса русской императорской армии в первой четверти XX в., которые приобрели большую популярность в постсоветское время. Работа является частью широкого исследования, посвященного судьбам офицеров императорской армии в 1914–1922 гг. на примере Воронежской, Курской и Тамбовской губерний. Проведен микроисторический анализ отдельной когорты офицеров белгородского гарнизона Курской губернии. Используя просопографический метод с целью выявления социально-профессионального облика выделенной когорты, автор определил общие и особенные черты офицеров данного гарнизона накануне Первой мировой войны. Полученные данные позволяют продолжить изучение жизненного пути персоналий когорты в периоды мировой войны, революции 1917 г. и гражданской войны.

Abstract

In the post-Soviet period scientific research of the officer corps of the Russian Imperial army in the first quarter of the XXth century gained great popularity. The article is part of a large study on the ways of officers of the Imperial army in the years 1914–1922 in Voronezh, Kursk and Tambov provinces. We have tried to undertake a micro-historical analysis of a separate cohort of officers on the example of one of the garrisons of the Kursk province. Using the prosopographic method to identify the socio-professional appearance of the cohort, we were able to determine the general and special features of the officers of the Belgorod garrison on the eve of the First world war. The key point of this period of research were the issues: the study of the age composition of Belgorod artillery officers, the timing of their completion of military schools, the specifics of educational skills required in this kind of troops, as well as the presence of combat experience and national and religious composition of the cohort members. The obtained data allow us to continue studying the life ways of the personalities of our cohort during the World war, the Revolutions of 1917 and the Civil war.

Ключевые слова: офицерство, императорская армия, социально-профессиональный облик, военное образование, служебная карьера, боевой опыт, национально-религиозный фактор.

Key words: officers of the Imperial army, the socio-professional appearance, military education, military career, military experience, national-religious factor.

В постсоветское время появилось достаточно большое количество исследовательских работ, посвященных изучению офицерского корпуса русской императорской армии накануне и в ходе Первой мировой войны, а также его судьбы в годы войны гражданской.

Фундаментальной основой исследований по данной теме остается работа П.А. Зайончковского, посвященная российской армии конца XIX – начала XX в., в т. ч. социально-профессиональному облику офицеров [Зайончковский, 1973].

Большой интерес представляют труды С.В. Волкова, в которых подробно описывается структура армии накануне мировой войны и состояние офицерского корпуса после Февральской и Октябрьской революций [Волков, 1993; Волков, 2002].

Период Гражданской войны в России нашел отражение в работе А.В. Ганина о противостоянии командных кадров бывшей императорской армии, оказавшихся по разные стороны баррикад в водовороте братоубийственной войны [Ганин, 2019].

На локальном исследовательском уровне, имеющем прямое отношение к теме нашей статьи, можно отметить воспоминания офицера 31-й артиллерийской бригады Ф.Н. Калантаевского [Калантаевский, 1913] о русско-японской войне 1904–1905 гг., а также работу современного историка А.И. Папкова [Папков, 2002], в которой рассмотрен комплекс мобилизационных мероприятий, проведенных на базе 31-й артиллерийской бригады, находившейся в Белгороде.

Безусловно, эти и многие другие работы историков позволяют понять специфику существования офицерского корпуса в конце XIX – первой четверти XX в. как в масштабе Российской империи в целом, так и отдельных воинских соединений в частности. Однако в историографии заметен определенный разрыв между общей, зачастую статистической характеристикой с единичными примерами российского офицерства в целом и оценкой особенностей социально-профессионального облика отдельных конкретных групп офицеров (воинских частей, гарнизонов и т. п.).

В нашей статье мы сконцентрировали внимание на небольшом фрагменте исследовательской работы, посвященной изучению судеб офицеров русской императорской армии в период 1914–1922 гг. на примере трех губерний центральной части Российской империи (Воронежской, Курской и Тамбовской). Надо сказать, что масштабных исследований в данных хронологических и географических рамках практически не велось. Проводимая нами работа показывает, что изучение биографий конкретных людей, коллективных портретов офицеров отдельных воинских частей или гарнизонов позволяет в сопоставлении с общероссийской информацией увидеть общие и особенные черты в социально-профессиональном облике отдельных групп офицеров и «насытить красками» слишком общую картину всего российского офицерского корпуса.

В данном случае нами был выбран гарнизон г. Белгород, сравнительно большой для уездного города и относительно специфичный. В отличие от гарнизонов губернских и ряда уездных городов, где размещались воинские части разных родов войск, он состоял только из артиллеристов. Мы посчитали возможным поискать в этой выборке общие черты со всем офицерством и определить специфику облика офицеров-артиллеристов.

Используя просопографический метод исследования, на платформе Excel (технические возможности данной программы позволяют проводить необходимые для данной работы вычисления) мы сформировали электронную базу данных (БД). Она включила в себя такие блоки, как биография офицеров до 1914 г. включительно, Первая мировая война в период с 1914 по 1916 гг., война в условиях революции и начала Гражданской войны 1917–1918 гг., непосредственно Гражданская война. Эти блоки были наполнены информационными полями, соответствующими каждому биографическому отрезку: даты жизни, образование, награды, отношение к войне (фронт, тыл, ранен, убит и т. п.), состояние в революционный период и годы Гражданской войны (белые, красные, эмиграция и т. п.).

Благодаря использованию различных источников, в частности таких Интернет-ресурсов, как «RIA 1914.info. Офицеры русской императорской армии», «grwar.ru Русская армия в Великой войне», «Militera.lib.ru. Военная литература» и др. [Офицеры русской

императорской армии; Русская армия в Великой войне; Военная литература (МИЛИТЕРА)], мы попытались сформировать представление о типичных и особенных чертах социально-профессионального облика офицеров белгородского гарнизона накануне Первой мировой войны.

Для формирования необходимой когорты офицеров Белгорода был изучен адрес-календарь Курской губернии на 1914 г., согласно которому в уездном городе Белгороде дислоцировались: 31-я артиллерийская бригада и 10-й mortarный артиллерийский дивизион (сформированный в 1910 г. на базе 7-й и 8-й батарей 31-й артиллерийской бригады). Кроме этого, в гарнизон входило управление уездного воинского начальника.

Общее количество офицеров гарнизона составляло 80 человек, из которых 63 числились в списках 31-й артиллерийской бригады, 16 несли службу в 10 mortarном артиллерийском дивизионе и 1 в лице воинского начальника – в уездном управлении соответственно.

Одной из первых задач нашего исследования стало определение возраста офицеров Белгородского гарнизона на 1914 г., что дало возможность разобраться с типичными и нетипичными эпизодами их биографий. Из 80-ти офицеров нашей выборки был установлен возраст 45 человек (56,3 %), что позволило получить данные, отображенные в таблице 1.

Таблица 1
Table 1

Возраст офицеров Белгородского гарнизона в 1914 году
Age of officers of Belgorod garrison in 1914

Возрастные группы	Количество упоминаний	% от известных
17–24 (родились в 1890-е гг.)	4	8,8
25–34 (родились в 1880-е гг.)	14	31,1
35–44(родились в 1870-е гг.)	16	35,6
45–54 (родились в 1860-е гг.)	7	15,6
55–64 (родились в 1850-е гг.)	4	8,8
Всего известно	45	100

Результаты показывают, что подавляющее большинство офицеров белгородского гарнизона на начало 1914 г. были в возрасте от 25 до 44 лет. Возрастных офицеров в возрасте от 45 до 54 лет оказалось в половину меньше. В целом сохранился баланс между молодым пополнением и кадрами, служба которых подходила к завершению. Самым молодым в нашей выборке оказался подпоручик 31-й артбригады Александр Владимирович Барковский (22 года), а самым возрастным стал его непосредственный начальник, командир 31-й артбригады Алексей Семенович Софиани[о] (60 лет). Позволим себе одно важное замечание. Поскольку речь идет об артиллерийских частях, в которых «лихость и безрассудная храбрость», допустимые в кавалерийских и пехотных частях, уступали место точному расчету, перевес количества офицеров среднего и зрелого возраста над «молодежкой» выглядит обоснованным.

Данные нашего локального исследования в основном совпадают с общероссийской статистикой, приводимой, в частности, П.А. Зайончковским, – в начале XX в. офицерство продолжало нести службу, зачастую перевалив за порог седьмого, а иногда и восьмого десятка жизни [Зайончковский, 1973, с.193; Суряев, 2017, с. 116].

Интересным моментом исследования стало изучение возраста окончания юнкерских и военных училищ офицерами изучаемой когорты. Результаты поиска представлены в таблице 2.

Таблица 2
Table 2

Возраст окончания училища офицерами белгородского гарнизона
Age of graduation by officers of the Belgorod garrison

Возраст (лет)	Количество упоминаний	% упоминаний от известных
19	8	19,5
20	16	39,1
21	9	21,9
22	4	9,8
23	3	7,3
24	1	2,4
Общий итог	41	100

Как можно увидеть из таблицы, основная масса офицеров-белгородцев имела типичный возраст окончания училищ в 20 лет. Не вызывают особого удивления и 8 человек, выпустившихся в 19-летнем возрасте, а также девять 21-летних подпоручиков. 23- и 24-летние выпускники, которых в сумме оказалось 4 человека, тоже не исказили общероссийскую картину выпускников военных учебных заведений.

Согласно результатам нашего основного исследования, применительно к офицерским кадрам Воронежской, Курской и Тамбовской губерний картина белгородского гарнизона оказалась близка к общей статистике. Так, свыше 85 % офицеров изучаемых нами губерний выпускались из училищ в 19–24 года. Менее 5 % встречались в возрасте 17–18 лет. В случае нашего микроисследования, по установленным данным, 100 % офицеров вошли в возрастную группу выпускников 19–24 лет.

Говоря о профессиональном облике офицеров нашей когорты, мы не могли пройти мимо их военно-образовательной биографии. Данные таблицы 3 показали следующие результаты.

Таблица 3
Table 3

Военное образование белгородских офицеров
Military education of Belgorod officers

Названия училищ	Количество упоминаний	Соотношение %
Военные училища, в т. ч.	65	94,2
1-е военное Павловское военное училище (с 1894 – Павловское военное училище)	6	8,7
2-е военное Константиновское военное училище (с 1894 – Константиновское артиллерийское училище)	26	37,7
3-е Александровское военное училище (с 1894 – Александровское военное училище)	7	10,1
Алексеевское военное училище	3	4,5
Киевское военное училище	2	2,9
Михайловское артиллерийское училище	20	29
Николаевское кавалерийское училище	1	1,4
Юнкерские училища, в т. ч.	4	5,8
Казанское пехотное юнкерское училище	1	1,4
Киевское пехотное юнкерское училище	3	4,3
Всего училось в Петербурге и Москве	63	91,3
Всего училось в провинции	6	8,7
Всего известно	69	100/100

Исходя из полученных данных, нам удалось определить учебные заведения, оконченные 69 офицерами (86,3 % от общего числа). Смело можно сделать вывод, что больше половины (44 человека или 66,7 %) офицеров окончили профильные образовательные заведения, а именно Константиновское и Михайловское артиллерийские училища [Бугураев М.К. 1971; Михайловцы. 1937]. Единичными случаями представлены выпускники некоторых пехотных училищ. Особняком стоял полковник Дьяков Александр Константинович, который окончил Николаевское кавалерийское училище.

Статистические данные, говорящие в пользу выпускников военных училищ над выпускниками училищ юнкерских (66 против 3), объясняются тем, что большинство рассматриваемых нами офицеров получили военное образование после реорганизации училищ [Алексеев, 2010; Михайлов, Филук, 2011].

Кроме того, 63 офицера обучались в том или ином училище, расположенном в Петербурге или Москве, в то время как только 6 человек окончили провинциальные Киевское и Казанское училища.

Факт окончания большинством офицеров артиллерийских учебных заведений интересен для нас возможностью формирования крепких сетевых связей, повлиявших в дальнейшем на их служебную карьеру.

Ввиду того, что белгородский гарнизон состоял исключительно из артиллерийских частей, количество выпускников военных училищ (94,3 %) значительно преобладало над выпускниками училищ юнкерских (5,7 %), что не соответствует статистике нашего большого исследования и общероссийской картине, приводимой П.А. Зайончковским о том, что выпускников военных училищ – 55–60 %, юнкерских – 40–45 % [Зайончковский, 1973, с. 170].

Нам удалось установить данные об учебе в военных академиях 8 офицеров данного гарнизона. 7 из них получили высшее военное образование. Только поручик 31-й артиллерийской бригады Мио[н]чинский Дмитрий Тимофеевич, который поступил в Императорскую Николаевскую военную академию в 1914 г., не смог пройти полный курс обучения ввиду начавшейся войны. Четыре человека – полковник Андреев Лев Федорович, поручики Карасев Петр Капитонович, Вишневский Николай Николаевич и Румянцев Борис Николаевич – были слушателями курсов Михайловской артиллерийской академии. Полковник Сагатовский Петр Петрович и подполковник Жандр Николай Константинович окончили Николаевскую академию Генерального штаба. Поручик Капнин Константин Львович стал одним из последних выпускников реорганизованной Императорской Николаевской военной академии в 1917 г. (в 1917–1918 гг. слова «Императорская» и «Николаевская» исчезли из названия) [Ганин, 2014].

Заметим, что удельный вес выпускников военных академий среди офицеров Белгородского гарнизона (10 %) был вдвое выше, чем по офицерскому корпусу Российской армии в целом [Зайончковский, 1973, с. 178].

Интересным, но в то же время довольно распространенным моментом того времени можно считать наличие в одной воинской части определенного количества родственников, чаще всего братьев. Как описывал в своих воспоминаниях генерал-майор Геруа Борис Владимирович, сближение с офицерским обществом при вступлении в службу для него облегчалось тем обстоятельством, что в полку уже служил его брат [Геруа, 1969]. В Белгородском гарнизоне в подразделениях 31-й артбригады во 2-й батарее служил поручик Барковский Борис Владимирович, а в 4-й батарее – его младший брат подпоручик Александр Владимирович; братья Никифоровы, Александр и Николай Федоровичи, служили поручиками во 2-й и 6-й батареях соответственно; старшим офицером 5-й батареи был капитан Николай Константинович Толубеев, а его младший брат Сергей Константинович в чине штабс-капитана был бригадным казначеем [Курский адрес-календарь. 1914-й год. 1914, с. 256–257].

Мы не знаем механизмов образования таких братских пар. Конечно, можно предполагать протекционизм со стороны влиятельных родственников. Но для более точного

ответа на этот деликатный вопрос нужно изучать другие источники, главным образом личного происхождения.

Важным показателем нашего исследования стало изучение участия офицеров рассматриваемой когорты в боевых действиях до Первой мировой войны. Белгородские артиллеристы располагали подобным рода опытом, поскольку уже в 1903 г. 2-й дивизион бригады отправился на Дальний Восток, а после начала войны к театру боевых действий прибыла и вся бригада (входила в состав 10-го армейского корпуса и принимала непосредственное участие во многих сражениях) [Лимаров, Кривцова, 2014].

Тем не менее к 1914 г. из прошедших боевой путь русско-японской войны удалось установить только 20 человек. Данные, которые удалось получить, представлены в таблице 4.

Таблица 4
Table 4

Участие офицеров 1914 г. в военных компаниях в зависимости от возраста
Participation of officers of 1914 in military companies depending on age

Годы рождения/ компания	русско-турецкая 1877–1878 гг., русско-японская 1904–1905 гг.	русско-турецкая война 1877–1878 гг.	русско-японская 1904–1905 гг.	Китайский поход 1900–1901, русско-японская 1904–1905 гг.	Всего участвовало	Не участвовало	неизвестно	Общий итог
1849–1858	1	1			2		1	
1859–1886			17	1	18	11	4	
после 1887						9		
Неизвестно			1		1	31	3	
Общий итог	1	1	18	1	21	51	8	80

Результат показал, что боевое крещение, по имеющимся у нас данным, получил 21 офицер. Для двух из них это была уже вторая война. Командующий 31-й артбригады полковник Алексей Семенович Софиани[о] был ветераном и русско-турецкой войны 1877–1878 гг. [Летопись жизни..., 2002, с. 174], а подполковник Островский Леонид Степанович принял участие в Китайском походе 1900–1901 гг. [Российское зарубежье..., 2010]. Большая же часть офицеров вступила в службу в межвоенное десятилетие и не успела проявить себя на полях сражений вплоть до начала Первой мировой войны.

Пожалуй, нельзя было оставить без внимания фактор национального происхождения, который в дореволюционной России являлся одним из государствообразующих элементов. В рассматриваемой нами выборке картина выглядит довольно типично. Подавляющее большинство, 87,5 % процентов, составляли православные славяне, плюс 3,8 % – крещеные западноевропейцы, а также 1,2 % – представители православной конфессии, имеющие восточные корни. Католиков и лютеран, находящихся на службе в белгородском гарнизоне, было лишь 7,5 %. Сравнивая наши данные с исследованиями П.А. Зайончковского, можно сделать вывод, что они соответствовали общероссийской картине того времени [Зайончковский, 1973, с. 196–199].

Подводя итог, можно говорить о том, что наш анализ таких критериев социально-профессионального облика офицеров белгородского гарнизона, как возраст, сетевые связи, боевой опыт и национально-религиозный фактор в целом отображают общее состояние дел в офицерском корпусе русской императорской армии накануне тяжелых испытаний, связанных с началом Первой мировой войны.

Особым был уровень и место получения образования белгородских офицеров. Почти все они окончили военные училища, тогда как в российском офицерском корпусе в

целом около половины составляли выпускники юнкерских училищ. При этом белгородцы учились главным образом в Петербурге и Москве, приобретая специфический опыт знания столичной жизни и имели, соответственно, недостаточно знаний о жизни провинции. Как показывает изучение офицеров всех гарнизонов Воронежской, Курской, Тамбовской губерний, среди них огромную часть составляли выпускники провинциальных военных и юнкерских училищ от Иркутска до Варшавы, т. е. люди, с молодости находившиеся ближе к жизни простого народа, нежели столичные курсанты.

Дальнейшее исследование будет продолжено в контексте изучения судеб офицеров (в том числе и белгородского гарнизона) в военное время, периода революций февраля-октября 1917 г. и в завершении – в «краеугольный» для большинства офицеров этап нашей истории, связанный с Гражданской войной. Одна из задач дальнейшего изучения будет состоять в том, чтобы определить, насколько специфика довоенной службы определила дальнейшую судьбу офицеров одного гарнизона, сказались ли на их биографиях белгородское воинское товарищество.

Основываясь на наблюдениях о том, что белгородские офицеры образца 1914 г. имели черты элитарности (служба в артиллерии, высокое военное образование, учеба в столицах), мы можем выдвинуть гипотезу, что такой социально-профессиональный облик предопределил явную склонность этих офицеров к вступлению в годы Гражданской войны преимущественно в Белую и украинские антисоветские армии. Среди довоенных офицеров других гарнизонов Центрально-Черноземных губерний мы выявили десятки фактов вступления в Красную Армию. Конечно, эта гипотеза требует подтверждения большим числом фактов, поиск которых продолжается.

Список литературы

1. Алексеев К.Э. 2010. Подготовка офицерских кадров в военных и юнкерских училищах (1863–1917 гг.). Вестник военного университета. 1(21): 51–55.
2. Бугураев М.К. 1971. Михайловское артиллерийское училище. 150-летие основания. Б.м., Общ-о Михайловцев-артиллеристов в США, 47.
3. Волков С.В. 1993. Русский офицерский корпус. М., Воениздат, 367.
4. Волков С.В. 2002. Трагедия русского офицерства. М., Центрполиграф, 509.
5. Ганин А.В. 2014. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., Книжица, 768.
6. Ганин А.В. 2019. Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917–1922 гг. М., Центрполиграф, 320.
7. Геруа Б.В. 1969. Воспоминания о моей жизни. В 2-х т. Париж, Танаис.
8. Зайончковский П.А. 1973. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX. 1881–1903. М., Мысль, 351.
9. Калантаевский Ф.Н. 1913. Рассказы из воспоминаний о Русско-Японской войне 1904–1905 гг. Белгород: Электр. тип. А. Вейнбаум, 151.
10. Курский адрес-календарь. 1914-й год. 1914. Курск. Электрическая Типо-Литография Губернского правления. 490.
11. Летопись жизни, научной и общественной деятельности академика А.Д. Сахарова (1921–1989). Материалы к биографии. 2002. Часть первая. 1921–1953. Сост.: Боннэр Е.Г., Коваль Б.Х., Авербух Г.Ю. М., Права человека, 174.
12. Лимаров А., Кривцова Е. 2014. На сопках Маньчжурии. Наш Белгород. 15 октября.
13. Михайлов А.А., Филюк С.О. 2011. Реформы российских военно-учебных заведений в 1860-е годы. Альтернативные проекты и итоги. Военно-исторический журнал. 6: 27–35.
14. Михайловцы. 1937. О михайловских артиллерийских училище и академии и их питомцах. Сборник воспоминаний. Вып. 2-й. Белград, Изд-во Правления общества михайловцев. 146.
15. Папков А.И. 2002. План расквартирования в Белгороде запасных, призываемых на службу в 31-ю артиллерийскую бригаду по мобилизационному расписанию 1910 года (публикация исторических источников). Белгородский краеведческий вестник. Белгород, Изд-во Белгородского государственного университета. 2: 65–77.
16. Российское зарубежье во Франции: 1919–2000: биограф. словарь: [L'Émigration russe en France, 1919–2000]: в 3 т. Под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. 2010. М., Т. 2, 685.

17. Суряев В. 2017. Структура русского офицерского корпуса накануне Первой мировой войны. *Российская история*. 6: 114–128.
18. Военная литература (МИЛИТЕРА) [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru> (дата обращения 15.09.2019).
19. Офицеры русской императорской армии [Электронный ресурс]. URL: <http://ria1914.info/index.php> (дата обращения 15.09.2019).
20. Русская армия в Великой войне [Электронный ресурс]. URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons> (дата обращения 15.09.2019).

References

1. Alekseev K.E. 2010. Podgotovka ofitserkikh kadrov v voennykh i yunkerskikh uchilishchakh (1863–1917 gg.) [Training of officers in military and cadet schools (1863–1917)] *Vestnik voennogo universiteta*. 1(21): 51–55.
2. Buguraev M.K. 1971. Mikhaylovskoe artilleriyskoe uchilishche. 150-letie osnovaniya [Mikhailovsky artillery school. 150th anniversary of the Foundation]. B.m., Obshch-o Mikhaylovtssev-artilleristov v SShA, 47.
3. Volkov S.V. 1993. Russkiy ofitserkiy korpus [Russian officer corps]. M., Voenizdat, 367.
4. Volkov S.V. 2002. Tragediya russkogo ofitserstva [The tragedy of Russian officers]. M., Tsentrpoligraf, 509.
5. Ganin A.V. 2014. Zakat Nikolaevskoy voennoy akademii 1914–1922 [Sunset Nikolaev military Academy 1914–1922]. M., Knizhitsa, 768.
6. Ganin A.V. 2019. Russkiy ofitserkiy korpus v gody Grazhdanskoй voyny. Protivostoyanie komandnykh kadrov. 1917–1922 gg. [Russian officer corps during the Civil war. The confrontation of the command personnel. 1917–1922]. M., Tsentrpoligraf, 320.
7. Gerua B.V. 1969. Vospominaniya o moey zhizni [Memories of my life]. V 2-kh t. Parizh, Tainais.
8. Zayonchkovskiy P.A. 1973. Samoderzhavie i russkaya armiya na rubezhe XIX–XX [Autocracy and the Russian army at the turn of XIX–XX]. 1881–1903. M., Mysl', 351.
9. Kalantaevskiy F.N. 1913. Rasskazy iz vospominaniy o Russko-Yaponskoй voyne 1904–1905 gg. [Stories from the memories of the Russian-Japanese war 1904–1905]. Belgorod: Elektr. tip. A. Veynbaum, 151.
10. Kurskiy Adres-kalendar'. 1914-y god [Kursk address-calendar. 1914-th year]. 1914. Kursk. Elektricheskaya Tipo-Litografiya Gubernskogo pravleniya. 490.
11. Letopis' zhizni, nauchnoy i obshchestvennoy deyatel'nosti akademika A.D. Sakharova (1921–1989) [Chronicle of life, scientific and social activities of academician A.D. Sakharov (1921–1989)]. Materialy k biografii. 2002. Chast' pervaya. 1921–1953. Sost.: Bonner E.G., Koval' B.Kh., Averbukh G.Yu. M., Prava cheloveka, 174.
12. Limarov A., Krivtsova E. 2014. Na sopkakh Man'chzhurii [On the hills of Manchuria]. Nash Belgorod. 15 oktyabrya.
13. Mikhaylov A.A., Filyuk S.O. 2011. Reformy rossiyskikh voenno-uchebnykh zavedeniy v 1860-e gody. Al'ternativnye proekty i itogi. *Voenno-istoricheskiy zhurnal*. 6: 27–35.
14. Mikhaylovtsy. 1937. O mikhaylovskikh artilleriyskikh uchilishche i akademii i ikh pitomtsakh. Sbornik vospominaniy [About the Mikhailovsky artillery school and the Academy and their Pets. Collection of memories]. Vyp. 2-y. Belgrad, Izd-vo Pravleniya obshchestva mikhaylovtssev. 146.
15. Papkov A.I. 2002. Plan raskvartirovaniya v Belgorode zapasnykh, prizyvaemykh na sluzhbu v 31-yu artilleriyskuyu brigadu po mobilizatsionnomu raspisaniyu 1910 goda (publikatsiya istoricheskikh istochnikov) [The plan of quartering in Belgorod spare, called for service in the 31st artillery brigade on the mobilization schedule of 1910 (publication of historical sources)]. *Belgorodskiy kraevedcheskiy vestnik*. Belgorod, Izd-vo Belgorodskogo gosuniversiteta. 2: 65–77.
16. Rossiyskoe zarubezh'e vo Frantsii: 1919–2000: biogr. slovar' [The Russian expatriate community in France, 1919–2000: biogr. dictionary]: [L'Émigration russe en France, 1919–2000]: v 3 t. Pod obshch. red. L. Mnukhina, M. Avril', V. Losskoy. 2010. M., T. 2, 685.
17. Suryaev V. 2017. Struktura russkogo ofitserkogo korpusa nakanune Pervoy mirovoy voyny [Structure of the Russian officer corps on the eve of the First world war]. *Rossiyskaya istoriya*. 6: 114–128.

18. Voennaya literatura [Military literature] (MILITERA) [Elektronnyy resurs]. URL: <http://militera.lib.ru> (data obrashcheniya 15.09.2019).

19. Ofitsery russkoy imperatorskoy armii [Officers of the Russian Imperial army] [Elektronnyy resurs]. URL: <http://ria1914.info/index.php> (data obrashcheniya 15.09.2019).

20. Russkaya armiya v Velikoy voyne [Russian army in the great war] [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons> (data obrashcheniya 15.09.2019).

Ссылка для цитирования статьи

Link for article citation

Канищев В.В. 2019. Социально-профессиональный облик офицеров белгородского гарнизона в 1914 г.: общее и особенное. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология, 46(4): 724–732. DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-4-724-732

Kanishchev V.V. 2019. Social and professional appearance of officers of the Belgorod garrison in 1914: general and special. Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science, 46(4): 724–732 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-4-724-732